

18+

МОИ 90-Е

Истории о пережитом

КОМУза БИБЛИОТЕКА

Диана Королькова

Мои 90-е. Истории о пережитом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67068559

ISBN 9785005595065

Аннотация

Они еще свежи в памяти – наши 90-е. Лихие и страшные, азартные и опасные, с шальными деньгами или вовсе без них. Годы развала страны, коллапса экономики, незащищенности, непредсказуемости и обостренного желания жить. В этой книге – живые воспоминания участников событий, честные свидетельства и личный опыт проживания чувств, опыт поиска опор в неопределенности каждого нового дня.

Содержание

Наталья Кадешникова и Диана Королькова	6
Предисловие	7
Татьяна Клементьева	9
Последние дни СССР	10
Валентина Строганова	18
О талонах	20
О путче	24
Сурия Андреева	28
Август 1991 года	29
Мальчики	32
Немного котиков	35
Стасик-Донжуан	36
Как кот Стасик батюшку напугал	39
Наталья Артюгина	43
Как я создала домашнее ателье	45
Как я варила самогон	47
Как я торговала водкой и порошками «Киви»	50
Как я подружилась с чеченцем	53
Наша кукуруза	57
Прицеп и сельское хозяйство	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мои 90-е

Истории о пережитом

Вошедшие в сборник рассказы и эссе написаны в Литературной мастерской Клуба новых старших – совместного проекта КомУза и Ельцин-Центра (Екатеринбург).

Редактор Диана Королькова

Продюсер Наталья Кадешникова

ISBN 978-5-0055-9506-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**КАЖДУЮ
СРЕДУ**
18:00

**ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР**

КОМУза
Музыкальный центр

**КЛУБ НОВЫХ
СТАРШИХ**

СОВМЕСТНО С ПРОЕКТОМ КОМУЗА

12+

Наталья Кадешникова и Диана Королькова

Предисловие

– Дииниииии! Давай делать книгу! Я поняла, что ты имела в виду с Литмастерской. И я поняла, какую книгу мы будем делать! – с этого звонка моей неугомонной Наташки всё и началось.

– Смотри, нам не надо ностальгической шелухи про «деревья были зеленее и парни моложе». Давай сделаем КомУза-сборник «Мои 90-е» – про связь поколений. С этой пандемией с 2020 года сегодняшние благополучные 20-30-летние оказались закрученными в вихрь перемен, когда прошлое перестало определять будущее, а будущее – совсем непонятно как планировать, потому что неизвестно, как изменится завтра... Многие в панике. А на встречах с моими «комузовцами», с сегодняшними 50-80-летними, я слышу: «Наташа, мы пережили 90-е, нам вообще ничего не страшно». Понимаешь? Они не боятся ничего. Книга должна быть – не для аудитории 50+, они и так все прекрасно помнят. Это обращение к другому, цифровому, новому поколению их детей и внуков. Потому что в таком же вихре перемен в их возрасте наши «комузовцы» сделали все, чтобы у детей и внуков было самое счастливое детство, юность и взрослость.

Через 2 недели после этого разговора я стояла в аудитории коворкинга Ельцин-Центра – на первую Литературную

мастерскую КомУза собралось больше 50 человек. Мы говорили о памяти и о том, зачем писать о прошлом. Сначала казалось – не за чем. «Я не смогу да и не о чем», «кто я, чтобы писать о себе», «кому это может быть интересно, я слишком обычная» – писали участники в своих первых эссе-размышлениях. А потом вдруг открылось, что воспоминания – это не просто радужные картинки из прошлого. Воспоминания – это честные свидетельства и личный опыт проживания чувств, опыт поиска опор в неопределенности каждого нового дня.

Неделя за неделей множились тексты в моей рабочей папке. Кто-то ограничивался короткими очерковыми заметками, а кто-то делал первые шаги в написании рассказов. Многие почувствовали в себе силы настолько, что завели собственные блоги, где сначала робко, а потом смело называли себя писателями и начали оттачивать мастерство, с удивлением обнаружив, что стать писателем мечтали с детства.

Для нас это не просто сборник воспоминаний, это книга-переосмысление, книга-переоценка вклада старшего поколения в наше будущее для нас – детей и внуков. Опыт наших старших – это не про то, как преодолеть трудности, их опыт – про то, как сохранить в себе любовь, пройдя все вихри перемен.

Татьяна Клементьева

Мне 64 года, но я никак не научусь называть себя пенсионером. Окончила радиотехнический факультет УрФУ. На 90-е годы пришлось то время, когда в 30 лет получаешь неограниченный опыт выживания, поиска себя и возможностей. Всегда любила учиться чему-то новому. Лелеяла мечту написания книги. В этом сборнике чувствую себя безбилетным (пока безбилетным) пассажиром, вскочившим на подножку последнего вагона уходящего поезда.

Верю, что мечты сбываются: проверено на себе!

Последние дни СССР

Так получилось, что в самый ответственный для страны момент в августе 1991 года я оказалась в Риге и была свидетельницей происходящих там событий.

В Ригу я поехала на обучение по программе «Маркетинг и менеджмент» Копенгагенского бизнес-колледжа при поддержке Рижского Бизнес-центра. В структуре нашего завода по изготовлению электромзыкальных инструментов в 1990 году появился новый отдел – отдел маркетинга. Мне предстояло руководство этим отделом в качестве заместителя начальника. Но такого опыта у меня еще не было. Будущим инженерам-конструкторам на радиофаке Уральско-го политехнического такие дисциплины не преподавались. Оформляла командировку в радостном возбуждении. Встреча с Ригой могла о многом напомнить.

Студентами мы путешествовали по Прибалтике на заработанные в стройотряде деньги. Хотелось вновь пройти по узким улочкам Старого города, посетить понравившиеся места. В первую поездку город поразил своей необычной для Урала архитектурой, шпилями башен, старинными домами, прижавшимися друг к другу, коваными элементами на фасадах, маленькими ресторанчиками с национальными блюдами. Вкус серого гороха со шпиком и луком, который подавался в глиняном горшочке, вспоминался как одна из риж-

ских достопримечательностей. Впечатлил Домский собор, сооружение XIII века. Видимо, из-за проходивших тут же раскопок создавалось ощущение, что он опустился в землю на 2 метра под своей тяжестью. Уехать из Риги и не послушать орган Домского собора казалось невыносимым. Решили неделю провести в Таллине и вернуться в Ригу вновь для того только, чтобы попасть на концерт немецкого органиста. Фотографии Турайдского замка в Сигулде, как декорации к фильму о средневековье, после поездки хранились в домашнем архиве. Все эти воспоминания за одно мгновение пронеслись в голове.

Но хватит ли командировочных, ведь предстоит прожить 2 недели, можно сказать, за границей?

Решение пришло сразу: продам спальный гарнитур, приобретённый только что и еще не распакованный. Достать мебель в те годы было то еще приключение – этот гарнитур нам привёз знакомый из закрытого города. За покупателями дело не стало, нашлись среди заводских инженеров. Дефицит был острый, как и на все остальное: например, холодильники, за которыми соседи в очередь записывались и дежурили по ночам. Деньги были найдены. Билет на самолет брала через Москву, чтобы завернуть к сокурсникам. Дома оставались муж и дочь-подросток.

Рига поразила свободой нравов. При заселении в гостиницу мне предложили один номер со стоящим рядом мужчиной, приняв нас за пару. То, что фамилии в паспортах не сов-

падали, никого не смутило. А ведь был случай в командировке в Горьком, который с 1990 стал Нижним Новгородом, когда администрация гостиницы ворвалась в номер ночью с целью «проверки нравственности».

Слушатели бизнес-программы съехались со всей страны – от Петропавловска-Камчатского до Калининграда и из множества республик СССР: Армении, Грузии, Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Узбекистана и Туркменистана, а также из Москвы и Ленинграда, который переименовуют в Санкт-Петербург только 6 сентября 1991 года.

В комнате со мной жила молодая женщина из Новокузнецка – Лариса. Удивила и тронула ее семейная история с трагической гибелью старших детей, которых ей не довелось увидеть, поскольку сама она родилась позже. Сколько судеб узнаешь, пересекаясь с разными людьми в поездках по стране! Мы любили с ней побродить по вечерней Риге, выпить чашечку кофе в уютном кафе на углу, где за белым роялем сидел пианист и ловко включался в импровизацию с саксофонистом.

Были слушатели из Украины. Особенно запомнился рыжеволосый молодой человек с редкой фамилией Пистолькорс, в переводе – «скрещенные пистолеты». Оказалось, потомок древнего шведского дворянского рода, что упоминается в романе «Нечистая сила» Валентина Пикуля. Он историк, много времени проводил в архиве Риги, чтобы определить ту недвижимость, которая когда-то принадлежала его

предкам.

Преподавание велось на английском языке через переводчиков. Удивительно, что ровно через 30 лет аналогичный курс мне преподавали в УрФУ, чтобы научить предпринимателей 50+ выживанию в условиях рынка.

А тогда все было в новинку. Мы готовились защищать свои проекты. Но утром 19 августа вдруг замолчало радио в гостинице. Пронесся слух, что военные подразделения захватили все самые важные объекты. Мосты, дороги, магистрали были перекрыты, автохозяйства заблокированы, как и управления связи, радио и телевидения. Город притих в ожидании.

Руководители семинара передали по цепочке, что сегодня занятий не будет. Как потом оказалось, зарубежные преподаватели спешным делом покинули Ригу. Телевизор молчал. Единственным источником информации оставалось окно. В своих номерах мы «прилипли» к стеклам, но площади казались пустыми. Вдалеке на мосту через Даугаву виднелся стоящий на посту танк. Из разговоров с местными жителями мы знали историю январского противостояния. В те дни на улицах Риги возникли баррикады, тяжелые шлакоблоки от которых можно было увидеть и в августе. Тогда шла борьба за независимость. Были жертвы. Латыши этот урок запомнили.

Иногда слышался стрекот вертолетов, летящих над городом. Меня это не пугало, напоминая об отслеживании лес-

ных пожаров, что часто летом наблюдали над Уралом. Город контролировался. Но кем? Понятно, что республика, взявшая курс на самоопределение ещё в 1990 году, не должна сдать своих позиций. Процесс был начат и должен был получить своё развитие. Не помню, из каких источников до нас дошла информация, что границы закрылись. Был повод поволноваться. Но в то же время успокаивало то, что не было активного движения на улицах, никто не громил витрин и не пытался воздвигать и защищать баррикады. Да и от кого их было защищать?

Улицы опустели. Не слышно ни одного выстрела. Транспорт стоял.

Волновал вопрос: что происходит сейчас? Кто, что, зачем, почему? Чем это может закончиться?

Сдружившейся компанией мы собрались в моем номере. Вспоминали семьи, с которыми пока не удавалось связаться. Ведь мобильников не было! Обсуждали между собой создавшуюся ситуацию, делились воспоминаниями. На память приходили истории, связанные с переживаниями разного характера. Как, например, я оказалась в горах во время грозы и наблюдала лупившие в землю молнии в нескольких десятках метров от себя, или то, как в полном тумане на катамаранах пересекали фарватер Волги, а наперерез шел теплоход, с которого вряд ли могли нас заметить. Видимо, подсознание диктовало сюжеты, в которых все хорошо закончилось. Будет все хорошо и на этот раз.

Наступал вечер. На улице стал прибывать народ. Не было мочи усидеть, не побывав в этой возбужденной событиями толпе и не предприняв попытки что-либо выяснить. Ринулись вниз. Со мной были двое москвичей, молодые ребята, братья. В них подкупали искренность, любознательность, желание испытать себя в неординарной ситуации и какая-то жажда приключений. Эх, молодость, за плечами пока была только школа, а перспектива – юрфак!

Толпа приняла нас доброжелательно. Понятно, что наше возбуждение шло от сознания, что происходит что-то значимое, историческое. Казалось, что окружающие радуются, но как-то сдержанно, без яркого выплеска эмоций. И никакой агрессии между людьми, никакого противостояния. Что-то говорили про переворот в Москве. Но толком никто ничего не знал. Разобраться со всем эти нам ещё предстояло.

Много позже в публикациях очевидцев тех событий стало прорисовываться то, что мы не видели сквозь оконные стекла.

Обстановку, сложившуюся в эти дни в республике, описал в своих воспоминаниях бывший начальник управления внутренних дел города Риги Виктор Федорович Бугай:

«Постановление №1 ГКЧП предписывало приостановить деятельность политических партий, общественных организаций, запрещало проведение митингов и уличных шествий. И постановление полностью выполнялось. Не было видно патриотически настроенных «героев», не блокировались во-

инские части и их боевые машины. Никто не протестовал.

Страх парализовал волю патриотов, они прятали и вывозили семьи, уезжали за границу. Закупали продукты. Те, кто носил новую униформу, сразу же ее сняли. Сдавали свои объекты, прятались на засекреченных базах. Главная для всех задача – уцелеть, не попасть под шальную пулю».

Контроль обстановки зачинщиками путча поручался Рижскому ОМОН во взаимодействии с воинскими подразделениями Прибалтийского военного округа. Когда же заговор развалился, вполне могло произойти кровопролитие между защитниками советского правопорядка в Риге и Народным фронтом Латвии. И не только. Хорошо, что все решилось мирным путем.

Но вернёмся в отель. 23 часа, ночь. От перенесенного стресса трудно уснуть. Завтра по графику последний день семинара «Baltic Managers». Выпускной. И он состоялся! Был организован шведский стол в здании Гильдии. Только отчего-то было грустно. Вероятно, от неизвестности и ожидания – что ждет нас в России, как сможем оформить выезд. 21 августа мы разъезжались с вокзала в разные уголки нашей общей до этого страны, улетали самолетами в родные аэропорты, а страна уже трещала по швам и разваливалась на части. В этом её состоянии нам еще предстояло выживать, но с семьёй это уже не было страшно. Начиналась совсем другая история.

P.S.

- 21 августа 1991 года Верховный Совет Латвии подтвердил независимость республики, приняв Конституционный закон «О государственном статусе Латвийской Республики».
- 6 сентября 1991 года независимость Латвии была признана Государственным Советом СССР.

Валентина Строганова

Выйдя на пенсию, я нашла для себя много увлечений, на которые раньше не хватало времени: исторические танцы, скандинавская ходьба, йога, прошла школу сетевого бизнеса. Четвёртый год участвую в проекте Натальи Кадешниковой Академия осознанного долголетия «КомуЗа».

Никогда не думала писать – считала, что у меня нет таких способностей. Но вот на встречу в «КомуЗа» пришла филолог, семейный историк, Диана Королькова и с увлечением стала рассказывать о книгах, изданных нашими сверстниками, совсем не писателями. Предложила нам, переживив-

шим эпоху непростых 90-х, написать книгу воспоминаний об этом сложном и бурном периоде. Что-то зацепило в её словах, и решила попробовать.

Так появились мои рассказы.

О талонах

Конец 80-х гг.

СССР разваливался. Страны Балтии требовали суверенитета. В бывших союзных республиках начались погромы. Бастовали шахтёры. Предприятия закрывались, появилось много безработных. Продуктов практически не было, полки магазинов пустовали. Кругом орудовали спекулянты.

В стране ввели талоны. Это были бумажные карточки, которые выдавались ежемесячно или сразу на год по месту работы или прописке на каждого члена семьи. На талоне был указано, какой вид продукта, на какой месяц и в каком количестве можно купить. Например, в месяц на сахарный талон можно было купить 1 кг сахара на человека, макарон – 400 грамм. Это были такие огромные бумажные простыни в виде таблицы, которые мы всегда носили с собой (вдруг что-то «выкинут» на прилавок). При покупке товара продавец отрезал месячный талон.

В Свердловске (наш город переименовали позднее) по талонам продавали масло, сыр, сахар, муку, колбасу, крупу, макароны, яйца, чай, спички, водку, сигареты. За продуктами выстраивались огромные очереди. За порядком следили активисты, которых в каждой очереди всегда хватало с лихвой. Часто на ладони они записывали номер очереди и регулярно ходили и проверяли эти номера.

Талоны на спиртное ввели 11 декабря 1989 года. Перед Новым годом горожане запасались водкой и шампанским, простаивая в очередях по несколько часов. И вот 29 декабря в гастрономе «Центральный» закончился товар. Толпа народа высыпала на улицу и перекрыла движение. В этом районе находится трамвайное кольцо, и трамваи встали во все четыре стороны.

Появились представители власти и попытались успокоить собравшихся. Но их уже не слушали. Ругая власть, двинулись на площадь 1905 года и там провели митинг, требуя продуктов к Новому году. Этот эпизод называли в городе «винный» бунт.

На следующий день продукты в магазинах появились.

Сигареты и водка мне были не нужны, но не пропадать же добру, которое мне было положено по закону. Я выкупала это «добро» и отвозила в деревню родителям. В деревне денег почти не было, так что сигареты и водка стали платёжной единицей. Ими можно было расплатиться за всё: за дрова, за сено, за вспашку огорода. Тем, кто не пил (или был мало-пьющим) и не курил, было очень удобно.

Уже позднее, через много лет, переезжая на другую квартиру, обнаружила в кладовке, в тёмном углу, несколько бутылок водки. Видимо, оставляла на чёрный день, уже не помню.

А запомнился мне другой случай, не связанный с водкой. Работала я в центре города, рядом был гастроном. Во вре-

мя обеденного перерыва можно было сбегать туда и отовариться продуктами. Очереди выстраивались огромные, но за час перерыва можно было успеть что-то купить.

Однажды я стояла за маслом, примерно полчаса. Вдруг подбегает какая-то женщина, осматривает очередь, показывает на меня и кричит: «Она!»

Ко мне подходит милиционер и просит пройти с ним. Недоумеваю, иду за милиционером. Останавливаемся. Женщина кричит: «Она, она у меня украла!»

Как оказалось, эта женщина стояла в соседней очереди, сумка была открыта, она отвернулась, и кто-то вытащил у неё все талоны. Как она утверждала, это была я. Я опешила. Говорю, что стою в этой очереди уже полчаса, никуда не отходя. Стоящие рядом могут подтвердить, спросите. Женщина не унималась: «Я её запомнила, она была в коричневом пальто и стояла сзади меня».

А у меня пальто – тёмно-зелёное.

Милиционер молча отошёл от нас, женщина с криками: «Украла все талоны!» убежала за ним. Я стояла, не зная, что делать: возвращаться в очередь или стоять и ждать, когда меня в кутузку заберут. Такое со мной было впервые.

Вернулась в очередь, успела до конца обеденного перерыва купить масло. Осадок после этого, конечно, остался жуткий.

Но позднее, когда пришла в себя от этого эпизода, поняла, каково было той женщине, которая потеряла все месячные

талоны на продукты. Не удивительно, что и цвет пальто уже не замечала.

О путче

19 августа 1991 года я шла на работу в хорошем настроении. Начальник должен был рано утром уехать в командировку, впереди ожидалось три спокойных дня: без дёрганий, аппаратных совещаний и срочных поручений.

Зайдя в вестибюль, увидела озабоченного начальника, слушающего проводное радио у вахтёра.

Спрашиваю: «Вы не уехали в командировку?»

«Какая командировка, Валентина Борисовна, в стране переворот» – был ответ.

Эти слова вызвали недоумение. Какой переворот? Мы выросли в Советском Союзе и с детства знали, что перевороты, забастовки и путчи могут происходить только при «загнивающем» капитализме.

Хотя в начале 90-х в нашей стране уже начали происходить глобальные преобразования.

Республики, входившие в состав СССР, стали отделяться от Союза и провозглашать свою независимость. В июне 1991 года провозгласила свою независимость Российская Федерация. Первым президентом Российской Федерации был избран Б. Н. Ельцин, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии.

По телевидению постоянно транслировались заседания Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР. Это

были захватывающие зрелища, настоящие спектакли.

Борис Ельцин вышел из состава Компартии, единственной и правящей партией в стране. Генеральным Секретарём Компартии и Президентом СССР оставался Михаил Горбачёв.

На 19 августа в Москве было запланировано подписание нового союзного договора, инициатором которого был Борис Ельцин. Это означало роспуск Советского Союза.

Группа высших чиновников из восьми человек решили не допустить развала Союза. 19 августа они выступили по телевидению с заявлением об отстранении от власти М.С.Горбачёва, объявлении в стране чрезвычайного положения и переходе власти в руки ГКЧП (Государственный комитет по Чрезвычайному положению). Горбачёв был заблокирован на президентской даче в Форосе.

Утром 19 августа по Всесоюзному радио было зачитано заявление ГКЧПистов.

Я встретила своего начальника, когда он слушал это заявление.

В тот же день в Москву были введены войска. Бронетехника стояла у Белого дома (так называли здание Верховного Совета РСФСР). Колонны демонстрантов прибывали туда же.

Сопrotивление путчистам возглавил Б.Н.Ельцин. Его выступление на танке перед Белым Домом часто сравнивали с выступлением В.И.Ленина на броневике в 1917 году.

В своём обращении Ельцин призвал не подчиняться Указам ГКЧП и объявить Всероссийскую забастовку. Свердловск поддержал Ельцина. Возле здания горсовета был разбит лагерь его сторонников.

На работе начальник собрал общее собрание, рассказал о сложившейся ситуации в стране, хотя полной и достоверной информации не было.

В стране были закрыты многие телепрограммы и выпуски большинства газет. После заявления путчистов по Центральному телевидению непрерывно транслировали балет «Лебединое озеро», который ещё долго после этого ассоциировался с путчем.

Слушали радиостанцию «Эхо Москвы» – единственную, которая передавала новости о событиях в Москве.

Не скажу, что было страшно. Было тревожно. В городском транспорте не было суеты и давки. Люди вполголоса обсуждали последние новости.

Рабочее утро 20 августа началось с общего собрания. Те, кто всю ночь просидели возле приёмников, рассказывали о последних событиях. Начальник наш был демократ, открыто поддерживал Ельцина.

В этот день путчисты приняли решение о захвате Белого Дома. Демонстранты противостояли продвижению техники, трое из них погибли.

В Москве танки и баррикады, штурм Белого дома, первый президент СССР в Форосе – это было уже серьёзно. В Сверд-

ловские многие крупные предприятия объявили забастовку.

Напряжение нарастало. Оно чувствовалось повсюду: на улице, в магазинах, в транспорте. Многие боялись открыто высказывать своё мнение о происходящем. Говорили полужёпотом.

21 августа в Свердловске на площади 1905 года состоялся грандиозный митинг в поддержку Ельцина. Хотя это был рабочий день, площадь была переполнена. Мы также всем коллективом пошли на этот митинг.

Пафосных речей на митинге не было. Всем было ясно, почему они здесь находятся. Ораторы выступали с грузовика. Было много лозунгов: «Нет ГКЧП», «Мы за Ельцина».

Митинги в поддержку Ельцина прошли также в Нижнем Тагиле, Первоуральске.

Вечером на чрезвычайной сессии Верховного Совета ГКЧП был осужден и распущен. Войска из Москвы вывели, путчистов арестовали.

Так завершился путч, или несостоявшийся переворот, длившийся 3 дня.

После этих событий в стране началась перестройка и все «прелести» 90-х.

Сурия Андреева

Пишу стихи, небольшие рассказы-зарисовки, сказки, сценарии. Автор трёх сборников стихов и рассказов, а также проекта просветительских интерактивных шоу-лекций об искусстве. Мне интересно наблюдать время сегодняшнее, изучать прошлое, которое хранится в воспоминаниях. Продолжаю исследовать историю своего рода и пишу об этом.

Август 1991 года

Август. 1991 год. Мы с моей семилетней дочерью прибываем в нетерпеливом ожидании поездки в Таджикистан. Нас ждёт встреча с Таджикским морем, о котором мы никогда до этого не слышали. Да что там! Мы и на море-то никогда до этого не были. Летим самолётом до Худжанда, где нас должны встретить и довезти до места.

Дочь моя в детстве была непоседливым и активным ребёнком. Когда приземлились в аэропорту, соседка по креслу сказала: «Я Вам очень сочувствую!»

Нас встречали, и уже на машине повезли в дом отдыха. На самом деле Таджикское море – это Кайраккумское водохранилище на реке Сырдарье. Но мы, не избалованные ежегодным отдыхом на морях, считали его настоящим морем. Добрались до места уже к вечеру. Дом отдыха оказался вовсе не домом, а маленькими дощатыми домиками, раскинувшись на высоком берегу среди плодовых деревьев, и с общей столовой для всех.

Пока я оформлялась, непоседа-дочь крутилась рядом, а потом вдруг исчезла. Ни в помещении, ни на улице её не было... Начало темнеть. Меня охватила паника. Кругом заросли деревьев, рядом крутой берег! Ко мне присоединились еще несколько отдыхающих, мы бегали по дорожкам, выкрикивая дочь по имени. Я была в полном отчаянии, ко-

гда вдруг из-за поворота тропинки показалась моя девочка:

– Где ты была?!

Дочь спокойно ответила: «Осматривала окрестности». Вот так начался наш отдых.

Каким был Худжанд в то время? Несколько раз удалось выехать в город (мы от него находились на отдалении). Что-то такое напряжённое уже ощущалось. Семьи русских военных начинали покидать обжитые места. Не потому, что им не нравилось само место, а потому что изменилось отношение к русским. Становилось беспокойно.

В один из дней, когда мы пришли на ужин в столовую, услышали: «В Москве – ПУТЧ! В Москве – танки на площади!». Было чувство страха и растерянности. Оказаться в такой момент далеко от дома с ребёнком! Всё было непонятно... Все четыре дня, что длился путч, отдыхающие собирались в столовой и слушали, и смотрели по телевизору новости. Из всех средств связи был единственный телевизор в столовой. Он нас всех и объединил. Мы горячо обсуждали случившееся. Нас волновал один вопрос – сможем ли мы уехать?

Ко мне в домик подселили девушку из Москвы. Она успела захватить начало путча и видела собственными глазами митинги и танки в городе. Говорила о происходящем очень эмоционально. Эти новости от очевидца ещё больше нас взволновали, было состояние оцепенения от услышанного и страх за будущее.

Таковыми событиями начиналось последнее десятилетие XX века. И как сложно и непросто оно начиналось, так и каждый год этого десятилетия был сложным и непростым для людей и для страны.

Мальчики

К середине 90-годов всё больше и больше беспризорных детей можно было встретить на улицах Екатеринбурга. Много их кучковалось в районе Южного автовокзала. Похоже, они каким-то образом добирались из областных городков. Но хватало и своих городских. Район Ботанический, куда мы заехали в конце 1992 года, ещё только отстраивался и располагался рядом с рабочим старым районом Вторчермет. Здесь жил в основном пролетариат. Понятно, с криминалом было всё в порядке. То есть он был.

Обнищавший простой народ спивался, семьи рушились, а дети никому не были нужны. К тому же махровым цветом расцвела наркомания и токсикомания. Стайки оборванных чумазных ребятишек с очумелыми глазами носились, сжимая в руках прозрачные полиэтиленовые пакеты, в которых просвечивала грязно-жёлтая жидкость. Это был клей «Момент». Они на ходу открывали пакет и, засунув голову, вдыхали. Смотреть на это было невозможно. Душа плакала от жалости.

К этому времени я устроилась на работу в аптеку провизором. Каждое утро, проводив сына в садик, а дочь в школу, я бежала на остановку трамвая. Зима. Мороз. Топчусь в ожидании трамвая, а рядом на остановке киоск круглосуточный.

Холодно. Зайти погреться? Заглянула за оконное стекло.

Тусклая лампочка освещала маленькое убогое пространство. Но что это? На каменном полу, на куске от картонной коробки съезжившись, лежал ребёнок в лёгкой одежде. По виду мальчик. У меня всё внутри оборвалось от жалости. Сколько времени он провёл тут? Живой ли? Первое желание – укутать, одеть ребёнка, но домой за одеждой далеко, опоздаю на работу. Подошёл трамвай. С тяжёлым сердцем ехала на работу и весь день думала об этом ребёнке.

После работы я проезжала дальше своей остановки, так как нужно было забрать сына из садика. На следующее утро с узелком вещей в руках спешила к трамвайной остановке. Может снова мальчишка ночует там? Но его уже не было...

Эту историю помню столько лет. Не могу забыть. Как не могу забыть теплотрассы и открытые люки по улице Титова. Там, в этих люках, жили дети. Они все нюхали эту жёлтую гадость, они все были одурманены. Их можно было видеть под крыльями моста через трассу. Они забивались в щели всё с теми же пакетами...

Что творилось с нами, взрослыми, если к концу XX века беспризорщина вернулась в наши города? Как мы это допустили? Самое ужасное, что проходили мимо. Как будто бы этих детей не было. Сколько их погибло? Сомневаюсь, что такая статистика существует.

Тогда же в 90-х проезжая по загородной трассе в сторону танкодрома, я увидела странное и какое-то жуткое место. Вдоль трассы тянулись одинаковые небольшие холми-

ки с одинаковыми простыми крестами. Кто знает, может там упокоились души погибших детей? И кто их оплакивал?..

Немного котиков

Если вспоминают 90-е годы, то обязательно в этих воспоминаниях присутствует тема «братков», убийств, пропажи людей, тема нищеты, насилия. Всё в тёмных красках. Но были и другие моменты, которые вызывали улыбку, смех. Человек перестал бы быть человеком, если бы разучился смеяться и находить смешное даже в самых обычных серых буднях.

Вот несколькими такими смешными моментами из своей жизни 90-х годов и поделилась со мной моя подруга.

Стасик-Донжуан

Про Люсиного кота Стасика можно много чего рассказать. А всё почему? Потому что кот этот был личностью. Характер у него был. Да ещё какой характер! Свободолюбив был безмерно! И внешностью обладал неординарной. Один нос его чего стоил! Можно ли представить кота, у которого нос с горбинкой? Так вот, у Стасика нос был с горбинкой, а шерстка чёрного окраса. На фоне других котов он сильно отличался, такой кошачий кавказец. А ещё у него отсутствовали два передних зуба, как результат кошачьих разборок. К этому добавьте вальяжность, неспешность в движениях. Он не мяукал. Вместо «мяу», у него звучало вальяжное «маау».

Поскольку Стасик был котом независимым, в том числе от хозяйских решений, то свою жизнь строил самостоятельно. В том смысле, что жил по собственному графику. Каждую ночь кот уходил на гулянку и возвращался утром. Где он шатался – неизвестно, но только от него не пахло ни подвалом, ни помойкой. Приходил он умиротворённый, довольный своими кошачьими победами и прямо с порога устремлялся на кухню. Там уже Люся вытаскивала из морозильника кусок минтая и кидала в чашку на полу. Стасик с аппетитом вонзал свои зубы в мёрзлую рыбу и, довольно урча, рвал её на куски. Этот ритуал ничего не могло нарушить.

Люся ещё спала, когда муж Василий ушёл на работу.

Но даже во сне каким-то чудом, Люська могла слышать поскрёбывание коготков Стасика в дверь. Вот и в это утро сквозь сон Люська услышала характерные звуки и, с трудом подняв себя с постели, зашлёпала босыми ногами к двери. Очки надевать не стала. Кто ещё кроме Стасика мог прийти в такую рань? Открыв дверь механически как сомнамбула, Люська двинулась на кухню, достала из морозильника кусок замороженного минтая, бросила его в кошачью миску и отправилась досыпать. Ещё какое-то время она слышала довольное урчание кота, потом провалилась в сон...

– Мяу. Мяу.

Что это? Совсем не похоже на «маау» Стасика. Люся с трудом разомкнула глаза и стала шарить рукой по столу в поиске очков.

– Мяу...

Нацепив очки, Люська, всё ещё до конца не проснувшись, начала осматривать комнату. И тут взгляд её остановился на телевизоре, вернее под его ножками на полу. Там, удобно устроившись, лежала кошка. Вида она была изрядно потрёпанного, совсем не домашнего. Худая, с грязной шерстью и нахальным взглядом жёлто-зелёных глаз – кошка была просто омерзительной.

Люська подскочила с дивана. Сна как не бывало! Схватив с пола тапок, она стала выгонять кошку из-под телевизора. Но не тут-то было. Злобно ощерившись, кошка зашипела. В её планы никак не входило покидать удобное тёплое место.

Люська бросилась в кладовку за шваброй, на чём свет кляня Стасика.

– Паразит! Это что за проститутку ты в дом привёл!

Люська размахивала шваброй, а кошка носилась из угла в угол, ловко минуя распахнутую на лестничную площадку дверь.

– А ну, Стас, паразит, иди сюда! Выпроваживай свою проשמандовку!

Из кухни не спеша выплыл Стасик. Ничуть не реагируя на поднятый Люськой шум, он медленной вальяжной походкой приблизился к кошке. Та всё ещё пребывала в бойцовой стойке, выгнув спину и шипя. Не притормаживая, кот прошёл мимо кошки, бросив в её сторону своё отрывистое «маау!». Кошка как-то сразу сникла, сжалась, её спинка опустилась, мордочка приняла виноватое выражение. Ничего от бесстыдной наглости не осталось. Бочком, бочком протиснувшись между стульями, она шмыгнула в раскрытую дверь. На какой-то момент Люське даже стало жаль её: вот она женская участь!

Надо сказать, что после этого случая Стасик своих подруг в дом не водил.

Как кот Стасик батюшку напугал

Нижний Тагил. 90-е годы. Время расцвета кооперативов, закрытия фабрик, заводов. То, что казалось всегда незыблемым, вдруг перестало существовать как не приносящее доход государству. Люди лишались рабочих мест и вынуждены были искать способы заработать «на жизнь».

Люся была бухгалтером. Кто бы мог подумать, что в 90-е годы эта профессия обретёт такую популярность! Казалось бы, довольное скучное занятие – сведение дебетов с кредитом, стало вдруг весьма доходным и приносящим прибыль делом. Конечно же, надо было и в этой сфере крутиться, что означало работать «на дому» на несколько фирм, которые росли в то время, как грибы.

Вот и Люся неожиданно для себя и своей семьи вдруг резко стала востребованной. Надо сказать, что характер у неё был непростой. Даром что росточком маловата, но так могла посмотреть сквозь стёкла своих очков! Да и слово могла сказать, как отрезать. Посему, пожилые соседки по подъезду посматривали на неё искоса и особо тёплых чувств к ней не питали.

А тут вдруг к Люсе стали наезжать на жигулях то одни, то другие, то третьи. И всё мужчины! Они быстро заходили в подъезд, какое-то время проводили в Люськиной квартире, потом возвращались в машину и уезжали. Некоторые дожи-

дались Люську у подъезда. Она быстро выскакивала из дверей с большой сумкой в руках, садилась в машину и её куда-то увозили. Правда, и пешком она не возвращалась: юркий жигулёнок притормаживал у дома, Люся выпархивала из машины и кивком головы поздоровавшись с местными кумушками, спешила к дверям. А в спину ей неслось шипение: «гуляшшшшая... шшшшалава...» Зато, когда вечером с работы возвращался домой муж Люськи Василий, те же кумушки с улыбкой справлялись о его здоровье и сочувственно кивали головами. Мужа это и удивляло, и забавляло.

– Это они тебя жалеют, – говорила Люська мужу. – Меня гулящей считают, а тебя потому и жалеют.

И они оба весело смеялись. Муж-то прекрасно знал, какое пуританское воспитание получила его жена. Мама Люськи воспитывала дочерей строго, «по-макаренковски».

Объявился у Люськи новый клиент – местный батюшка. Церковь тоже переходила на новые рельсы экономики, и без бухгалтера было не обойтись. Затевалось строительство новой церкви, и у батюшки был свой интерес: стать в будущем настоятелем храма. Этот батюшка во всём своём облачении начал заезжать к Люське. Задерживался он недолго, но его визиты не остались незамеченными. Что-то изменилось в воздухе, потому что соседки перестали шипеть Люське в спину, а стали заискивающе смотреть в её сторону: «Что, Люсенька, сам батюшка к тебе заходит?!» И смех, и грех! Батюшка своими визитами частично реабилитировал Люсь-

кину репутацию.

Только вот с вопросом гигиены у батюшки было не всё в порядке. От него немилосердно несло потом. То ли он крайне редко посещал баню, то ли рясу его давно не стирали, но находиться с ним рядом было невыносимо. Единственно, кому запах пота был по душе, так это Люськиному коту Стасику. В отличие от других котов Стасик приходил в экстаз не только от запаха валерианки, но и от запаха пота. Зная про это, Люська перед приходом батюшки обычно прятала кота в соседнюю комнату. Но как-то раз случилось, что не успела запихнуть Стасика за дверь, а батюшка уже проходил в квартиру. Следя одним глазом за котом и общаясь с батюшкой, Люська контролировала ситуацию. В какой-то момент ей пришлось повернуться к компьютеру, чтобы распечатать документ. Этого мгновения хватило, чтобы случилось непоправимое. Душераздирающий крик батюшки заставил Люську подпрыгнуть. Стасик, незаметно подкравшись, подобрался под ряску батюшки и буквально вгрызся в пахучую подмышку. Священник орал, пока Люська отдираала Стасика и тащила его в другую комнату.

После этого случая с батюшкой Люська встречалась на стороне, а расчет ей приносила на дом помощница батюшки, особа непростая. В чем очень скоро пришлось убедиться. В назначенный день прихода служительницы церкви Люся приготовила документы. Помощница с неизменной натянутой улыбкой явилась вовремя, держа в руках какой-то свёр-

ток. Этот свёрток она тут же развернула, и в руках её оказалась маленькая иконка. Торжественно и с благоговением на лице помощница протянула иконку Люське. Нельзя сказать, что Люська была особо верующим человеком. Нет, присутствие каких-то высших сил она принимала и понимала, но молитвами себя не утруждала. Приняв из рук помощницы иконку, она спросила: «А деньги?» На что получила ответ, что денег нет, а вместо них вот эта иконка. Аккуратно завернув иконку в тряпочку, Люська решительным жестом вернула её помощнице со словами: «Я понимаю ценность подарка, но мне нужны деньги». Помощница явно не ожидавшая такого поворота, изменилась в лице. Глазки её сузились и приняли хищническое выражение.

– Матушка, а почему Вы на меня так сердито смотрите? Принесёте завтра деньги, я Вам и отдам документы.

Пробурчав что-то себе под нос, помощница удалилась. Деньги принесли, но больше ни батюшки, ни его помощницы Люська не видела.

Наталья Артюгина

Я хотела быть журналистом, но волевым решением родителей стала врачом: «Врач – профессия навсегда, хочешь писать – пиши! Чехов был прекрасным писателем, но и хорошим врачом!»

Пишу с 6 лет стихи, рассказы, эссе, для себя и друзей. А сейчас понимаю, что вместе с нами уходит эпоха...

Как из песчинок составляется пустыня, из бессмысленных кусочков создаются роскошные конструкции Лего, так из разрозненных воспоминаний встаёт в легкой дымке Эпо-

ха. Сложная, неоднозначная, но именно Эпоха, перевернувшая, опрокинувшая и вновь создавшая Людей и Страну. Она была, как пламя, в котором или сгорали, или закалялись, «как сталь». Жаль, если некому будет о ней рассказать, или никто не захочет слушать...

Как я создала домашнее ателье

1990 год. Мне подарили целый тюк красивейших и ярчайших кусочков ткани! Они горели и переливались в руках – нейлон неоновых расцветок, безжалостно разрезанный на квадраты, треугольники, ленты. На производстве он был признан некондиционным, списан и пущен в резальную машину. Забрать его рулоном было нельзя, в обрезках же – пожалуйста!

А у меня не было купальника, и купить – негде. Недолго думая, я соединила два треугольника по бокам блестящей тесемочкой и сшила «между ног» – плавки были готовы, лифчик сделала из трапециевидной тряпочки, перетянутой той же тесьмой, она послужила и завязками. На работу ушёл час, ещё час я расшивала новорождённый купальник бусинами с елочной гирлянды.

Шедевр создан, фигура тогда ещё позволяла всё. Мы с мамой и двухлетним сыном пошли загорать на «Динамо» – там на берегу городского пруда был чудесный кусочек зелёной травы под раскидистыми тенистыми деревьями, а рядом два великолепных стадиона. Молодёжь занималась спортом, а бабушки и мамочки с детьми загорали на пляжике.

Минут через 30 соседка по подстилке (нас – мам с детьми – загорало много), стесняясь, спросила о происхождении моего потрясающего купальника, потому что в прода-

же не было ничего похожего, и стала просить меня сейчас же его продать.

Сначала я очень удивилась, а потом подумала о громадном тюке этих замечательных отрезков у меня дома и... согласилась.

Назавтра новый купальник был ещё наряднее – я учла недостатки прежнего. Его тоже постигла участь первого изготовленного мной бикини. Соседки по пляжу на «Динамо» умоляли приодеть их всех!

Портниха я никудышная – шила почти «вперёд иголку». Пришлось обратиться за помощью к маме и бабушке – они умели строчить на «Зингере», старой ножной немецкой швейной машинке, которая исправно выручала уже три поколения доморощенных портних. Бабушка Аня ее боготворила!

В течение двух недель наш тючок со списанными лоскутками осчастливил весь пляжик «Динамо»! Правда, шить сама я так и не научилась, но продуктивное меню моей семьи в это время стало значительно разнообразнее.

Как я варила самогон

С алкоголем в стране были большие проблемы, точнее проблемы были, а алкоголя не было. Ещё точнее – он был, но его невозможно было просто купить, а нужно было «достать».

Меня эти проблемы не трогали, в те годы мы с алкоголем даже не встречались. Но муж-геолог очень любил, когда его друзья приходили к нам в гости, я тоже радовалась гостям. Была гитара, жаркие производственные споры, воспоминания, преферанс, политические диспуты.

Все были молодые, здоровые и вечно голодные. Если вопрос с накрытием стола решался огромным тазиком винегрета и «Королевским салатом» – это когда много вареного риса смешивается с большим количеством мелко нарезанного лука, с очень небольшой баночкой рыбных консервов и одним крутым яйцом, все это сильно солится, перчится и от души поливается подсолнечным маслом: очень бюджетная закуска! Но закусывать-то нужно было именно алкоголь! Проблема требовала решения. Интернета тогда не было, а соседи во дворе были – они знали все. И меня проконсультировали, как сварить самогон.

Моя бабушка Нина была из старых русских интеллигентов в третьем поколении, она знала французский, работала учителем начальных классов – получить высшее образова-

ние она не смогла, так как происхождения была не пролетарского. Бабушка многое помнила из своей непростой жизни – например то, что за изготовление самогона ждет тюрьма. Поэтому когда я очень воодушевленная пришла со двора, где выгуливала маленького сына, и переписала извлеченный из соседей опыт по варке самогона, бабушка почти упала в обморок. Она сразу обрисовала мне мое сомнительное будущее, предстоящие тяготы тюремной жизни для меня и сиротство для моих сыновей. Но я была вооружена знаниями, почерпнутыми во дворе. На плите на соседней конфорке с варящимся самогоном должен жариться лук – его запах перебьет самогонный дух!

Брагу в ведре решено было поставить в сарае на даче, а самогон варить дома ночью через две недели. Для заведения браги была срочно вызвана из Тагила бабушка мужа – баба Люба прожила почти всю жизнь на Гальянке в Нижнем Тагиле и была опытным человеком.

К нашему сараю на даче стали слетаться мухи, осы и пчелы со всей округи. То ли сахара было лишку, то ли они были алкоголиками.

В установленный бабой Любой срок брага в закрытых бидонах переехала ко мне домой. Настал «час X». Бабушка Нина взяла моих детей, бросила на меня трагический взгляд, сообщила, что величайшее счастье, что этого позора семьи не видит мой муж, так как он в командировке.

Позором семьи была я...

Инструкции я выполняла очень точно. Ночь прошла без сна, но с неожиданным результатом, самогон получился «как слеза», о чем сообщил мне в 7 утра сосед сверху, который пришел «на запах». Я страшно вздрогнула от неурочного звонка в дверь, а он, улыбаясь, сообщил, что вообще-то шёл на смену, но «такой прекрасный запах...» «И закусочку сразу готовишь?» – спросил он, унюхав запах жареного лука. Мой труд был оценен по достоинству!

Бабушка Нина пришла утром с моими детьми, переночевав у сватьи. Дом встретил чистотой и свежестью. Я не в тюрьме. Хотя бабушка произнесла слово «пока».

А через неделю с мужем и друзьями мы отмечали 7 ноября: закончился полевой сезон, геологи вернулись из полей.

Мой шедевр передавали из рук в руки, боясь уронить хоть каплю.

Все любили и хвалили меня. А я страшно гордилась своей новой «специальностью». Ведь профессия врача не могла мне помочь решить проблему отсутствия алкоголя в отдельно взятой семье.

Как я торговала водкой и порошками «Киви»

В 1993 году моей зарплаты врача высшей категории хватало примерно на 3—4 похода в магазин. Причём далеко не в ювелирный и не в меховой, а в ближайший дешёвый продуктовый. Но в 36 лет – всё по плечу! Поэтому предложение моего пациента, наладившего производство водки в собственном частном доме на Уктусе из ворованного с завода «Фармпрепараты» спирта, я посчитала приемлемым.

Я в жизни ничем и никогда не торговала. Мне было предложено, выражаясь современным языком, стать его «торговым представителем»: меня снабдили ящиком хорошей качественной водки – для демонстрации товара, правильными сертификатами на водку (не поддельными, а выданными официальными органами) и предоставили полную свободу действий (конт-бланш).

Пациент поклялся, что его водка нисколько не хуже выданной мне, отравиться ею невозможно, и, как только я заключу договор, поставки будут незамедлительно. Рекомендовал начать с маленьких ларьков на окраине.

Я, отработав врачебную смену, надела самое нарядное платье, огромные алые серьги из пластмассы, купленные в магазине уцененных товаров, посмотрела на себя в зеркало, посчитала неотразимой и отправилась на свою первую

в жизни торговую операцию в ресторан «Космос». Решила не мелочиться. Зашла сразу в приёмную директора, объяснила, что у меня есть прекрасная водка и чудесные сертификаты на неё.

У директора, думаю, случился культурный шок: он не знал, плакать или смеяться, – кто я – городская сумасшедшая, пришедшая с предложением о покупке сомнительной водки в один из крупнейших ресторанов Екатеринбурга, работающего с солидными поставщиками? Или это просто дешёвая подстава, и сейчас вбегут люди в масках и с наручниками? Мысль о том, что я говорю святую правду и просто пытаюсь хоть что-то заработать, не могла прийти в голову этому умнейшему человеку. Операция была полностью провалена – но пропал страх, и появился азарт!

В следующий раз на предложение «поторговать лицом» и попристраивать по кафешкам порошки «Киви», которые надо растворять в воде, я согласилась без колебаний. Это была страшная химия и дрянь, но вполне красивая и сертифицированная.

В те годы на пустые российские прилавки к неизбалованным покупателям хлынуло море дешёвой, яркой пищевой химии. «Киви», «Ананас», «Манго» – маленькие упаковки с быстрорастворимыми кристаллами, жутким химическим вкусом и запахом и мерцающей красотой напитка. Я рассказывала директорам, что если разводить порошок в 5 раз, как указано на упаковке, то он вреден для здоровья, а если, ска-

жем, в 10—15, то цвет и красота остаются, вред исчезает, а прибыль кратно увеличивается. Директора понимали, что несут людям здоровье, а кафе – прибыль. Все оставались в выигрыше, а мне за 2 месяца «торгового представительства» набралось денег на отпуск на море с двумя сыновьями. Повезло!!!

Как я подружилась с чеченцем

Шли суровые 90-е, мы с подругой – две молодые женщины – нищие, но очень перспективные терапевты – поехали в Москву к Джуне Давиташвили учиться бесконтактному массажу, с целью освоения ее метода лечения пациентов в надежде немного лучше кормить свою семью.

Родственник подружки договорился о том, чтобы мы могли снять номер в «Интуристе» – гостинице для иностранцев. Кстати, цена была невысокая, просто попасть туда законным путём было нереально.

«Интурист» сразу потряс меня: там практически не наблюдалось иностранцев, однако сплошь встречались молодые люди кавказской национальности и очень эффектные, хорошо одетые молодые дамы. Главная вещь, непонятная для меня, заключалась в том, что ни у первых, ни у вторых охранники не спрашивали паспорта, а просто здоровались с ними, а нам с подругой пришлось не только предъявить паспорт, но почти сдать отпечатки пальцев. Наконец один из охранников развеял мое недоумение: «Не поймешь вы кто!» – проворчал он, – «Вижу, что не проститутки, что не иностранка – тоже вижу, а чего вы здесь делаете?» На мое объяснение, что мы врачи и приехали учиться, он долго смеялся.

Мы днем учились, вечером бегали в театр. На еду была

выделена булка хлеба и банка кабачковой икры в день – пополам на утро и вечер, чайник в номере имелся, сахар и заварка не подразумевались. В один из завтраков мы решили несколько расширить свое меню за счет яичницы в буфете «Интуриста». К нам подошла буфетчица – роскошная курстодиевская женщина, сияющая своей неброской среднерусской красотой и (немного смущаясь) спросила, что, говорят, мы – доктора на какой-то супердиете, поэтому стройны, как ниточки. У красавицы была роскошная коса, глаза с поволокой, необъятная грудь, роскошные, немного колышущиеся бедра... Мы напоминали цыплят по рубль семьдесят пять, синюшных, с длинной тощей шеей; мысль о полной нашей бескормнице не могла прийти в голову королеве интуристского буфета. И тут я раскрыла нашу тайну – огласила ей содержание нашего кошелька. Дальше включился сказочный механизм судьбы.

Красавица и ее подруга были «гражданскими» женами «лиц кавказской национальности», приезжавших постоянно в Москву по своим торговым делам и проживающим в этом отеле. Нас им представили и... почти удочерили.

Вечером мы с подругой в составе кавказской диаспоры и русских буфетных красавиц ужинали в ресторане «Интуриста». Я, пожалуй, за всю свою последующую жизнь не могла съесть такого количества мяса и чёрной икры. Много лет после – у меня, как у закодированного алкаша, появлялся рвотный рефлекс при виде этих продуктов. А потом все тан-

цевали, а я в благодарность нашим кормильцам решила станцевать индийский танец для них прямо на небольшой сцене ресторана, оркестрик тут же великолепно подыграл мне – я, много лет занимавшаяся фигурным катанием, была обучена довольно эффектным танцам.

Чеченцы остолбенели. Мозгов у меня, чтоб почувствовать опасность, не было в тот момент вообще. И тут, видимо, мой ангел-хранитель присел мне на плечо (он отвлёкся на несколько предыдущих минут): встал главный из этой тусовки – высокий, тонкий как стрела, с огненно-черными глазами, мрачный как туча и спросил: «Муж есть? Дети есть? Как он тебя пустил сюда? Почему одна ехала?»

Я просто заревела, некрасиво размазывая сопли и слезы по лицу... очень стало страшно... Повисла минутная пауза, даже оркестр затих.

В этот миг решила наша с подругой судьба. «Вождь» принял решение: мы были под его полной и непререкаемой защитой наши оставшиеся три дня учёбы. Утром нам принесли в номер королевский завтрак, Вождь спал в «гостиной» нашего 2-комнатного номера; приходил он очень поздно или очень рано, не знаю как будет правильнее – мы с подругой к этому времени уже давно спали в другой комнате, обменявшись впечатлениями от очередного спектакля и подготовившись к завтрашней учёбе. Уходил очень рано, мы почти не виделись, в номере только висел запах хороших сигарет и отличного парфюма. Ужин нам тоже приносили в номер.

В ресторан больше не звали.

В день отъезда Вождь (я называла его так про себя, не могла запомнить имя) отвез нас на такси в аэропорт и прочитал лекцию про то, что женщина не должна быть без мужа и детей, что она не должна носить чемоданы, не должна танцевать перед чужими. Спросил, где мы работаем, как называется наша больница, я честно ответила на его вопросы, была благодарна за сказочных 3 дня.

Мы улетели, начались трудовые будни. И вот однажды прибежала в ординаторскую медсестра из регистратуры, за чашкой чая со смехом рассказала, что звонит какой-то совсем не русский дурак и просит к телефону доктора Наташку, очкастую такую, а фамилию не знает. «Совсем дурак!» – поставила диагноз регистратор. Я, опустив голову, старательно писала истории болезни. Мне стыдно до сих пор за свою трусость.

Наша кукуруза

Как-то в самом начале 90-х отдыхали мы с сыновьями на Большом Фонтане – это приморский курортный район в южной части Одессы. Старшему было 10 лет, младшему – 3 года, а мужу не дали отпуск, и он остался дома.

Мы сняли сарайчик за рубль: 2 койки (младший спал со мной); туалет был общественный на трамвайной остановке – такой грязи я не видела ни до ни после. У детей был горшок. Душа не было, поэтому вечером в темноте мы пролезали через отодвинутую доску в заборе соседнего дома отдыха и потихоньку мылись в их душе. Готовили на примусе. Но было море, солнце и одесские мальчишки – друзья моего детства: с 5 лет бабушка каждое лето возила меня, бледного уральского заморыша, на оздоровление в Одессу. Тогда мы жили в саду у бабушкиной подруги. Когда пришёл черёд мне оздоравливать своих детей, уже не стало ни бабушки, ни её подруги.

Деньги на жизнь кончились неожиданно быстро. Перевод от мужа – копеечный – ожидался через неделю. А есть, да ещё и после моря, сыновья хотели постоянно! Денег у одесских друзей не было, а идеи и желание помочь имелись в избытке. И тогда на совете с одесскими друзьями созрела идея: они рвут в полях и приносят мне кукурузу, я её варю на примусе и сажусь торговать на аллее, идущей от санатория к мо-

рю.

Бабушки на легендарном одесском Привозе продавали кукурузу по 30 копеек. Я решила составить конкуренцию рыночным торговкам и продавать початок «царицы полей» за 15 копеек.

Трёхлетний сын сидел рядом, старший застенялся, сделал вид, что он нас не знает, и пошёл гулять по аллее. Вернулся довольно быстро с интересной новостью: бабушки торгуют не только кукурузами, но ещё и какими-то зелёными плодами, которые называют «чёртовыми яблоками». Цена этому чуду природы – 10 копеек, и их охотно покупают. А самое главное, что растут они на деревьях в 50 метрах от аллеи, и сын уже слазил на дерево и принёс в «подоле» рубашки эти плоды. Мы сразу решили расширить ассортимент продаж, оценив фрукт в 5 копеек.

Спрос превышал предложение! Вечером друзья детства принесли кукурузу с полей, и, пока она варилась на примусе, мы все вместе устроили шикарный ужин с колбасой, купленной на наторгованные деньги. Мы рисовали себе радужные перспективы быстрого обогащения и постоянных роскошных ужинов с колбасой (тогда еще очень вкусной, без теперешних консервантов) и, чем черт не шутит, – с шоколадом.

Торговая карьера была прервана самым безжалостным образом: оказывается, мы должны были платить «оброк» и «не снижать цену» – как мне доходчиво объяснили на-

завтра местные «держатели аллеи» (так они представились). Однако мне часто везло на хороших людей! Выслушав меня и увидев, где мы живем и что едим, проанализировав всю ситуацию, – нам милостиво разрешили доторговать на аллее ещё 5 дней до получения перевода от мужа.

Дети были сыты, а ту золотую солнечную аллею и золотую солнечную кукурузу я помню до сих пор!

Прицеп и сельское хозяйство

Шёл 1995 год. К сыновьям 17-ти и 10-ти лет добавилась годовалая дочь. А денег не было совсем. В геологоуправлении мужу не платили зарплату уже 3 месяца, декретные деньги были давно проедены, всё в доме, что могло представлять хоть какую-то ценность, давно было продано в комиссионке. Включая 6 серебряных чайных ложечек – моё наследство от бабушки.

При мысли о ночной варке куриных шеек и дальнейшем общипывании для создания видимости мяса в супе – становилось тошно. Основным блюдом стала кукурузная каша (16 копеек за килограмм крупы) и бесконечные пироги с картошкой и ливерной колбасой. Тесто я ставила ведерными кастрюлями, а ливерную колбасу жарила 2 часа с солью и перцем, пока она не превращалась в однородную студенистую массу... Кстати, сейчас мои весьма обеспеченные подружки, ностальгически вздыхая, вспоминают те пироги. И утверждают, что ничего вкуснее не ели. Мы были молодые и вечно голодные.

Решить продовольственную проблему предложили соседи по даче. Нужно привезти на прицепе плодородной земли, навоза, и заняться сельским хозяйством. Так как ни я, ни муж не имели понятия о сельском хозяйстве, – идея эта нас очень вдохновила. Проблем было две: не было прицепа

и не было денег для его приобретения. Но мы знали, что прицепы продают в Кургане – не очень дальняя дорога.

Решено – сделано! Заняли деньги на несколько дней, оставили детей с бабушкой и на нашей «пятёрке» жигулей поехали в Курган за двумя прицепами. План был продать один прицеп в Екатеринбурге за тройную цену и, оправдав стоимость оставшегося у нас прицепа, отдать долги, а дальше всё было бы очень радужно: громадный урожай на нашей даче и сытая жизнь!

В Курган мы приехали во второй половине дня. Сразу на завод, где без проблем нам выписали и мы оплатили два прицепа. Пропуск был на одного человека, поэтому муж пошёл получать прицепы, а я радостно ждала его у проходной завода сидя в машине.

Дальше всё пошло не плану, вернее, – не по нашему плану... Муж подошёл к машине с каменным лицом и сказал, что на проходной, когда он отмечал оплаченные накладные чтобы получить наши прицепы, к нему подошёл «приятный мужчина» и вежливо, но настойчиво, попросил оставить один прицеп, взамен гарантируя наш отъезд со вторым прицепом. Данные о нашей покупке (сразу, из бухгалтерии!) были переданы нужным людям: схема, отработанная до мелочей. Помимо всего сказанного мужу, «приятный мужчина» сделал мне своеобразный комплимент, добавив, что у него (моего мужа) красивая жена, а в дороге всякое может случиться... Ситуация тупиковая, безвыходная, но...

Злость, наверное, помрачила мой рассудок, и я приняла мгновенное решение: мы цепляем оба прицепа и с максимальной скоростью вылетаем на трассу, если успеем оторваться хоть немного, то постараемся доехать до ближайшего поста ГАИ. Идём с превышением скорости и включённой аварийкой – пусть остановят, пусть оштрафуют, но прицепы будут у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.